

Елена Рейн

Непробиваемый

или Как снова поверить в любовь

Елена Рейн
Непробиваемый или Как
снова поверить в любовь
Серия «Только моя», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64366692

Аннотация

Анна была счастлива, любила и радовалась каждому мгновению. Но случилось ужасное несчастье – мужа убили и виновата в этом только она. Прошло три года. Логинова воспитывает одна двоих детей, и каждый ее день – БОРЬБА. Проклинающая свекровь, завистливые женщины, внимание жестокого человека, намеренного заполучить гордую красавицу любыми путями – не все проблемы. Но они не так ужасают, как раненый мужчина, которого она спасла. Кто он – неизвестно, но одно она поняла точно – НЕПРОБИВАЕМЫЙ делает только то, что хочет. А желает он ее...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	30
Глава 2	39
Глава 3	52
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Елена Рейн

Непробиваемый или Как снова поверить в любовь

Пролог

3 года назад

Анна сидела за рабочим столом и смотрела на фотографию в рамочке. На снимке был запечатлен высокий, кареглазый мужчина, держащий на руках маленького мальчика. Муж и сынок. Николай выглядел как всегда: деловитым, сдержанным, уставшим и лишь ухмылка говорила о том, что он вовсе не такой строгий, как кажется. В этот день он пришел с работы довольно поздно, а она как раз фотографировала Олежку, и попросила его взять сына и улыбнуться в камеру. Не снимая полицейской формы, мужчина подхватил трехгодовалого малыша и попытался быть веселым, хоть глаза его «кричали» об усталости.

Красивая женщина улыбнулась, завидуя себе. Она была счастлива, что встретила на жизненном пути Логинова Николая. Потрясающий мужчина, который заботился о ней, выполняя все ее желания и потребности, каждым поступком и

действием доказывая, как она ему дорога. Про сына даже говорить нечего – Николай души в нем не чаял.

А ведь он сразу не понравился ей. Анна всегда считала себя немного резкой, а с ним таяла, наслаждаясь каждым мгновением. Она выросла в семье, где не приветствовалась излишняя нежность, откровенность. Родители постоянно обитали на работе в районной больнице: мать – акушер-гинеколог, отец – хирург. Вечно одна. Старшая сестра рано вышла замуж и «улетела» из родительского дома. Редко когда ее баловали вниманием, но обеспечивали всем необходимым всегда. Хотя в то время в каждой семье присутствовал такой расклад – родители работают, дети предоставлены сами себе: занимаются и помогают в доме по хозяйству.

Женщина вытянула руку и притронулась к рамке, обдумывая, как сказать мужу о том, что ее беспокоит на протяжении полугода. Не хотела его расстраивать, тем более зная характер Николая вне дома. Это они в своем уютном гнездышке создали мир и любовь, стараясь любой вопрос и обиду не доводить до конфликта, а на работе – твердый характер брал свое. Именно вчера, после поездки в район, она поняла, что тянуть больше нельзя. Нужно все рассказать мужу.

Поднявшись со стула, Анна поправила черное платье, разравнивая складки на чуть округлившемся животе. Схватив сумку и кожаный плащ, быстро оделась и вышла из кабинета экономиста, закрывая дверь на ключ. Не спеша, Логинова побрела по коридору второго этажа, надеясь, что все уже

ушли, особенно женщины из бухгалтерии, но на выходе на лестницу встретила с главным бухгалтером сельского поселения, Верой Николаевной.

Высокая женщина притворно улыбнулась, щуря свои темные глаза, и ядовито воскликнула:

– Анна Владимировна, вы уже домой? Так рано?

Сдержанно кивнув, придерживаясь за перила, Логинова лениво выдала:

– Да, уже как полчаса назад должна была уйти, но задержалась.

Лупикова изобразила на лице невероятное удивление и тяжело вздохнула.

– Да вы что?! Как время бежит. А мы-то с Егором Петровичем обсуждали завтрашнюю поездку в город. Весь день на машине, потом беготня по трем организациями с отчетами, – говорила она, спускаясь за ней, прожигая взглядом спину, тут же добавляя: – Как сынок? Пошел на поправку?

Анна отметила ее манеру общения и благодарно выдала:

– Нормально, уже как восемь месяцев точно не болел. Сейчас иду за ним в сад.

– Понятно-понятно, – понимающе проговорила она и, спустившись на первый этаж, дойдя до кабинета бухгалтерии, взялась за ручку двери и сказала: – Это хорошо, что здоровый, а то детки сейчас так болеют, что просто ужас. До завтра, Анна.

– Всего доброго, – проговорила Логинова и пошла вперед,

задумываясь, почему Вера Николаевна вновь не попробовала найти ей замену? Она этим занята с первого дня ее работы в администрации сельского поселения, вновь и вновь подбирая хороших девушек, вежливых и добрых, но глава не дает согласия.

Это первый раз она была возмущена, потом уже только лениво смотрела, как настойчивая женщина показывает кабинет очередной умнице, где, вполне возможно, та будет работать. И это делалось с таким дружелюбием, что Аня искренне аплодировала ей про себя, считая, что Вера Николаевна просто безжалостно загубила в себе актрису. Ну что поделать, если Лупикова невероятно злопамятна и не может простить, что Николай предпочел ей другую, а насколько Анна была наслышана, любовь у них была невероятная в одиннадцатом классе.

Молодая женщина вышла из здания администрации и сразу же попрощалась с водителем, который неизменно торчал на крыльце, если не уезжал в район или город по делам главы или главного бухгалтера, а также других специалистов, когда было необходимо. Спустившись по лестнице, улыбнулась теплему вечеру. Так замечательно, свежо и волшебно. Еще немного и все будет зелено. Скорей бы. А то надоели голые деревья, лужи и грязь.

Только хотела повернуть в сторону магазина, как увидела, что черная машина Давыдова движется на большой скорости по основной дороге, заворачивая к администрации. Ан-

на замерла на мгновение и в следующую секунду прибавила шаг, двигаясь в противоположную сторону, надеясь, что Игорь Александрович ее не заметит. Она совсем не желала общаться с предпринимателем, который не давал покоя своими наглыми ухаживаниями, нападая со всех сторон. Терпеть его не могла. Скользкий, наглый уж.

Сделала несколько шагов, как услышала громкий голос. Давыдов звал ее.

«Я не слышу. Глухонемая, слепая и, вообще, это не я сейчас иду», – подумала Анна и пошла вперед, как вдруг услышала приближающиеся шаги.

Резкий рывок, и мужчина схватил ее за локоть кожаного плаща, разворачивая к себе.

– Аня, а может, хватит от меня бегать?

Женщина подумала, что нужно улыбнуться, но не смогла. Да и не хотелось. Обойдется. Почему она должна быть доброй, когда Давыдов не знал меры, как и слова «нет». Деньги не все решают и она не продается. Так что пусть ухаживает за той, кому это нужно, а он ей, словно кость в горле.

Рванула руку, возвращая себе, не желая чувствовать его прикосновения, и резко проговорила:

– Игорь Александрович, оставьте меня в покое!

Крупный мужчина, полноватый, но из-за высокого роста он смотрелся довольно приятно. Всегда идеально выбрит и шикарно одет: брюки со стрелками, пиджак, накрахмаленная рубашка. Только вот Давыдов давил на нее своим внима-

нием, и поэтому Анна не видела ничего, кроме его грязного взгляда, направленного на ее тело.

Мужчина открыл рот, чтобы сказать, но тут посмотрел вперед и недовольно скривился, ожидая, когда пройдут прохожие. А что он хотел? Это в районе никому ничего не интересно, коллеги и соседи – исключение, а в деревне только и ждут чего-нибудь эдакого, чтобы осудить и свое добавить. Ведь все примерно знают, кто, как живет, и если только удивил, обязательно косточки обмоют и еще не забудут приукрасить. Вот так и выходят сплетни.

– Здравствуйте, – поздоровалась баба Гляня, прищурившись, нагнувшись еще ниже, чем обычно, не стесняясь рассматривая мужчину и женщину, замечая все. Особенно – как близко стоит замужняя Анна с богатым мужиком из района. Однозначно, любовник приехал, пока муж деньги зарабатывает.

– Добрый вечер, – поздоровалась Логинова, цепenea, словно мумия, ожидая, когда мужчина произнесет свой обычный перечень вопросов, претензий и уберется. Хотя, зная Давыдова, ему уже через пять минут будет плевать, а ей нет, сплетен хватало.

Стоило переехать из района в деревню после свадьбы, так как муж именно здесь работал участковым, и началась ее «веселая» жизнь. Если бы не ее характер и умение держать себя в любой ситуации, вероятно, сожрали с косточками, а так за глаза гавкают. Слышала она про себя много, кое-

чем делилась с мужем, удивляясь бурной фантазии некоторых, в том числе: какая она злая, грубая и гулящая. Николай несколько раз без ее ведома пытался разобраться, но получилось совсем плохо – и вместо нормального дома, как им обещали, предложили старую лачугу. Ей было невыносимо. Она привыкла к другому, но выбора не было. Жить со свекровью, женщина категорически отказалась.

Много чего интересного за четыре года здесь она увидела, но больше всего удивляли бабы ревнивые, отмечающие каждый взгляд на своих мужиков и придумывающие небылицы, ворчливые старушки, вечно желающие поучить жизни, и свекровь. О ней отдельно и не сейчас. Кому-то везет, но не ей. Однозначно не ей. Анне конкретно не повезло.

Старушка пошла дальше, только дергая головой. Это сейчас она такая тихая, а вот когда дойдет до школы, где техничкой работает, тогда будет очень активная. Суханкина отличалась длинным языком, поэтому сомневаться в том, что она не поделится увиденным, особенно когда свекровь работала учителем физики и как раз сейчас проводила факультативы, не стоило. Вечер, поэтому в школе почти никого нет, а вот завтра весь учительский коллектив будет ей загадочно улыбаться при встрече.

Надоело. Анна все в этой деревеньке не любила. Но из-за мужа и ребенка готова была терпеть. Да и этот предприниматель живет в районе. Несколько лет назад переехал и вот в ноябре того года увидел ее в коридоре Районного финансо-

вого управления и теперь не дает прохода.

Мужчина посмотрел на нее голодным жадным взглядом, отчего Аня вздрогнула, чувствуя подступающую тошноту, а потом вежливо поинтересовался:

– Ну и что, Анна, какой твой ответ?

Есть мужчины, а есть мужики. Этот – БАРАН. Ему бесполезно объяснять, он НЕ ПОНИМАЕТ.

– Ответ неизменный, но могу добавить, если желаете услышать новое. Игорь Александрович, я прошу вас сделать так, чтобы наши пути никогда не пересекались, – грубо проговорила женщина, кидая слова ему в лицо.

Давыдов буквально за секунду озверел, что случилось всегда при их разговоре, и процедил:

– Мне уже надоели твои отказы. Смотри, как бы ни пожалела.

– Не переживайте. Как раз наоборот, я буду счастлива.

Он скривился, ожидая другого ответа, и выпятив грудь, уверенно заявил:

– Сама прибежишь ко мне.

– Ну что вы, я не бегаю. Свой забег уже провела. Нашла свое счастье и больше мне ничего не нужно.

Давыдов задумчиво смотрел на гордую, красивую женщину, вызывающую в нем животную похоть, а главное – желание обладать, что было для него всегда в приоритете, и нагло выдал:

– Бред. Бабе всегда что-то нужно. Важно найти подход и

попасть в удачное время. А ты выкаблучиваешься... Не пойму, что тебе нужно? Нет, ты скажи, я-то мужик богатый. Все что пожелаешь – исполню.

– У меня все есть. Муж, ребенок и будет дочь, – сухо сказала она, намекая на беременность, чтобы предприниматель со своими желаниями отстал от нее, и добавила: – Вас в этом списке нет, и никогда не будет. Главное для меня – моя семья.

Женщина решила не продолжать разговор. Бесполезно. Быстро развернулась и пошла вперед, как мужчина вновь дернул ее и уже грубо притянул к себе, с яростью чеканя в лицо:

– Ну, значит, список буду редактировать, авось первое место там займу.

– Никогда! – гневно процедила Логинова и, заметив свежую кровь, с сумкой бегущую со стороны школы, мысленно застонала, удивляясь ее скорости и желанию выпустить яд, гневно добавив: – Отпустите меня!

Мужчина грубо оттолкнул женщину, не желая слышать в свой адрес такой тон. Ничего, так даже лучше. Она еще оценит его, когда лишиться всего.

Анна волшебным образом не упала, радуясь, что обувь на низкой платформе. Она с ненавистью посмотрела на него и пошла вперед. Логинова чувствовала его взгляд и прекрасно понимала, что Давыдов не успокоится, как бы она не надеялась на чудо. Сегодня все расскажет Николаю. Пусть решает

по-мужски, она устала.

Кроме этого, она еще была уверена, что Анастасия Витальевна догонит ее, поэтому не стоило заходить в магазин за молоком и сыром. Мать Николая любила устраивать представления в любом месте. Сегодня пообщаются скромно, ей нужно за ребенком.

Логинова шла обычным шагом, пока не услышала тяжелое дыхание в спину и ворчание:

– Что, как только Коленька в район на совещание, а ты с мужиком лебезишь? – процедила она, восстанавливая дыхание, сглатывая слюну, пытаясь быть на одной линии со снохой. Наконец, добившись нужного, она с презрением процедила: – Совсем бесстыжая, как я погляжу. И как земля таких носит? Дрянь...

Анна громко вздохнула, понимая, что все, больше не хочет слушать ничего в свой адрес, нескольких минут предостаточно, и резко повернулась к ней, отчего свекровь чуть не слетела с дорожки в лужу со снегом, который еще не растаял. Женщины секунду смотрели друг на друга, отчего в воздухе повисла ярость напряжение и обида.

– Добрый вечер, Анастасия Витальевна, – как ни в чем не бывало поздоровалась сноха, отмечая ярость в глазах матери мужа, желание унижить, сделать все, чтобы она сломалась.

Опыт у нее большой. У первого сына жена – забитая девочка, которая прежде чем выйти за калитку звонит свекрови и спрашивает, что она посоветует для прогулки из одеж-

ды. Аня искренне не понимала, даже первое время старалась вразумить девочку, но та только шарахалась от нее, шепча, что не хочет потерять мужа. Потерять?! А что она имела в виду своей фразой? Ведь Алексей не обращал на нее внимания, почти жил у женщины в районе, прикрываясь работой. Разве она уже не потеряла его?

– Да какой он добрый? Когда ты, баба гулящая, сме...

Анна прищурилась, а в глазах появился пугающий блеск. Отмечая реакцию молодой женщины, Анастасия Витальевна сморщилась, подозревая, что есть в снохе что-то нечистое, раз так умеет «давить» взглядом. Она отступила, желая добавить еще несколько слов в придачу, как услышала резкий тон:

– Баба – это про вас, мне еще рано, и склочностью я не страдаю. И по поводу того, кто гуляет и с кем, рекомендую посмотреть у себя в доме. Может, что и найдете, вместо того, чтобы в чужом белье рыться и слона из мухи раздувать.

Возмущение огненной волной прошло по телу свекрови и, скривившись, она воскликнула:

– Ах ты, подлая интриганка! Ты это на что намекаешь?! Да мой...

– Я не намекаю, а прямо говорю. Советую приглядеться, а то заняты не тем. Совсем не тем, – спокойно заявила Анна, прекрасно зная, что Логинова в курсе того, что ее муж загулял с Сорокиной, директором школы. Но женщина усердно делала вид, что это глупости. Она понимала, что с Ольгой

Олеговной не поскандалишь, та съест кого угодно, да еще с работы выкинет.

– Ах ты же...

– Тоже была рада видеть, но, уверена, вы дальше идете и нам не по пути. Всего доброго, – отчеканила Анна, слыша, как женщина начала причитать и следовать за ней.

Замечая воспитателей на детской площадке, поняла, что с ними дети, а, значит, как только Олежка увидит ее, так и побежит.

Нужно избавить от свекрови.

Женщина резко развернулась к матери мужа и выдала:

– Плохое слово услышу при сыне или при воспитателях, то вы внука не увидите. Надеюсь, я понятно объяснила?

Свекровь моментально замолчала, а потом сглотнула и буркнула:

– Ты мне рот не закрывай! Еще бы я слушала всяких. Сыну скажу и он...

– Ничего не сделает. Ничего! Потому что я права, – отрезала Анна, уточняя на всякий случай: – Вы не увидите Олега. Я вам обещаю. Или считаете, что обманываю?

Анастасия Витальевна только скривилась, не понимая, что мог найти Коля в этой стерве, и отвернулась, недовольно бубня:

– Змея. И за что такая кара досталась нам?

Причитания Анна не слушала, про себя удивляясь, как ей повезло со свекровью. Раньше женщина совсем грани не зна-

ла, устраивая скандалы на каждом углу, выговаривая за все. Она по шкафам рыскала, про корзину с грязным бельем не забывая, каждую кастрюлю проверяла, недовольно кривясь, на праздники со своими харчами прибегала, крича, что еще жить хочет, а потом рассказывала всем желающим, что вот так ее встречает сношенька, даже хлеба не подала. Если урожай хороший – то ведьма, если плохой – нерадивая и руки гнилые. Везде видела только плохое, злясь, что непутевая девка смеет ей еще говорить, вместо обоготворения и уважения. Она была в шоке, когда вновь пришла на праздник – день рождения Анны, и именинница не пустила на порог, заявив, что если свекровь пройдет, то она покинет свой дом. Николай смог убедить женщин быть спокойнее, но стоило ему уйти, как мать начинала оскорблять, сожалея, что он Верочку променял на такую мерзавку.

Увидев Олежку, Анна довольно улыбнулась и пошла навстречу. Малыш качался на качелях один. Почти всех забрали. Обычно она его забирала раньше, а сегодня не получилось. Аня позвала сына и, услышав родной голос, малыш бросился к ней, крича от радости.

Подхватив мальчика, Логинова расцеловала его в щечки и крепко обняла. Заметив пятно на синей шапке, весело спросила:

– Привет, богатырь! И где шапку потерял, что она такая грязная?

– Петя забрал и наступил сапогом, а я плакал, – с гру-

стью поделился он, вспоминая неприятную ситуацию. Они всегда конфликтовали с Лупиковым, мальчик всячески пытался обидеть его.

Петя весь в мамочку, Веру Николаевну, главного бухгалтера. Женщина год назад стала вдовой, муж умер от инсульта, поэтому теперь она решила, что можно заняться личной жизнью. Активировалась, стараясь показать всем, какая она замечательная, великодушная, особенно на фоне с Аней.

– Не переживай, я эту постираю, а завтра другую оденешь.

– С клоуном? – со вздохом уточнил он, вспоминая желтую шапочку, которую подарила бабушка.

– Да, только на завтра, а потом твоя любимая высохнет.

– Эх, ладно, – пробурчал он, поникнув, а потом вдруг с восторгом спросил: – А в магазин пойдем?

– А что хочешь?

– Мороженое. Можно?

– А горло?

– Не будет болеть, – убежденно заявил Олег за себя и за горло.

Женщина улыбнулась и медленно поставила сына на землю, чувствуя тяжесть внизу живота. Наверное, уже не стоит поднимать ребенка, чтобы не было проблем. Они взялись за руки и, попрощавшись с воспитателями, которые внимательно наблюдали за матерью и сыном, медленно побрели к калитке.

Поздно вечером Анна с нетерпением ожидала мужа, но боялась, что может случиться беда, если он не так воспримет ситуацию. Слишком резко. Как бы скандала ни получилось. Он за нее горой. Не хотелось огорчать, но молчать уже не было сил. Странно, что он сам ничего не говорил, ведь мать и доброжелатели не оставили бы без внимания такую интересную новость.

Глянув на газовую плиту, где стояли кастрюльки, в которых недавно приготовила рис и гуляш, она задумчиво провела рукой по столешнице, анализируя ситуацию. Олежка уже поужинал, а она не могла. Совсем. Ничего не могла. Переживала, пусть внешне никак не показывала.

Сынок уже несколько раз прибежал за дольками яблока, которое мама разрезала ему, сложив в блюдце. Что интересно, когда давала целое, Олег половины не съедал, а на шесть частей, все съедал и еще добавки просил.

Услышав звук машины, Анна замерла, не зная, чего ожидать. Главное, попросить сильно не конфликтовать, чтобы потом неприятностей не было. У этого предпринимателя все чиновники в друзьях ходили. Перегибать не стоило, чтобы всю жизнь не жить в этом старом домишке, где все заваливалось. Поднялась со стула и пошла встречать мужа, поправляя синюю футболку и джинсы. Дома было свежо. Сейчас

уже мало топила, чтобы не задохнуться от жары. Немного протапливала. Кирпичный дом имеет свои плюсы и минусы.

Женщина застопорилась в коридоре, стоило заметить, что Николай недовольно хмурит брови, направляясь к ней. Плотные сжатые губы, грубая походка – можно даже не спрашивать – муж не в духе. Она потерла шею и, дождавшись, когда он наступит на порог, выдохнула:

– Привет.

Мужчина мгновенно изменился в лице, и, разувшись, ступая на чистый пол, который она недавно вымыла, подошел и обнял ее, нежно прикоснувшись к губам.

– Ты как? – хрипло спросил он.

Аня выдавила улыбку, стараясь не показывать своего состояния, и ответила:

– Бывало хуже.

Логинов прижимал к себе жену так сильно, что она нахмурилась, не понимая его поведения. Николай с ней всегда невероятно нежен, ласков, а сейчас он словно боялся и переживал. Странно. За нее? Или на работе проблемы? В любом случае Аня была уверена, что ее мужчина очень расстроен.

– Что случилось? – с тревогой в голосе поинтересовалась она, желая знать, в чем причина.

Николай убрал руки с ее чуть располневшей талии, немного напряженно застыв на месте, а потом нехотя отмахнулся:

– Да так...

«Странно он себя ведет. Не как обычно», – подумала Анна, чувствуя тревогу, понимая, что ее ждет серьезный разговор. – «А, может, свекровь пожаловалась? Ей же в радость сотворить гадость».

– Тогда пойдем ужинать? Покушаешь, а потом все расскажешь, – предложила жена, зная, что Коля все равно поделится. Держать в себе он не мог.

Через двадцать минут мужчина отодвинул пустую тарелку в сторону и отпил чай, опустошая большими глотками. Говорили ни о чем: что воды в этом году на полях много, о том, что лошадь у Тартуновых увели со двора, подозревают Жажарова, нечистого на руку, и о погоде, которая в ближайшие дни должна «порадовать» дождями. В разговоре чувствовалась недосказанность и напряженность.

– Коль, мне не дает прохода Давыдов, – выдохнула Аня, радуясь, что сказала, но тут же она непонимающе нахмурилась, замечая, что муж только кивнул, никак не реагируя. Сглотнула и проговорила: – Ты знаешь, да?

– Да, уже знаю, – с обидой бросил он, отворачиваясь к окну. – В общем, я к нему сегодня ездил, – стиснув зубы, сообщил он.

Анна была в растерянности. Знал и не позвонил? Ничего не сказал? Как так?

– И что скажешь? Как прошел разговор?

– Не очень хорошо. Я все сказал, требуя, чтобы не подходил к тебе, а он заявил, что сделает все, чтобы быть с мате-

рю его ребенка.

Анна не поняла фразу. Подалась назад, пытаясь осознать смысл, но бессмыслица услышанного выбила из колеи. Она скривилась и прошептала:

– Не поняла. Что за бред?!

– Да уж, тоже не думал. Я ему также сказал, – пробубнил Николай, продолжая пялиться в окно, не желая смотреть на жену.

Молодая женщина не верила словам, особенно в то, что ее любимый мужчина вот так себя ведет. Резко поднялась и сказала:

– Не поняла, ты что тут обиженного мужа строишь? Неужели, правда, веришь, что я спала с Давыдовым и ребенок его? Логинов, ты в своем уме?

Николай, услышав такое обращение, повернулся к ней и сухо выдал:

– Аня, успокойся!

Красивая женщина учащенно задышала, возмущенная его требованием, и через секунду, когда пришла вроде как в норму, воскликнула:

– То есть успокойся?! Ты о чем сейчас мне говоришь? Думаешь, я должна успокоиться, когда муж считает, что я... что я... – она замолчала, не в силах справиться с эмоциями. Обида, злость, разочарование переполняли ее. Она не ожидала. Совсем не ожидала. Закрыла глаза на секунду и отчетливо сказала: – Я с тобой начала жить после института. Девочкой

была. Уже четыре с половиной года вместе и ты мне сейчас спокойно заявляешь, что я от чужого мужика забеременела? Это нормально, да?

Логинов стремительно поднялся, отчего стол сдвинулся в сторону, и с яростью посмотрел на жену, не понимая гневного возмущения, которого он никогда в отношении себя не видел. Нахмурил густые брови и выкрикнул:

– Я верю тебе, но когда все убеждают в обратном, то...

– Кто все? Кто все?! Ну! Скажи мне! – воскликнула женщина, чувствуя, что еще немного и расплачется. Аня не могла принять все, что происходило сейчас.

– Моя мать...

– Она не в счет, – грубо рывкнула Анна, хватаясь за стол, чуть выдвигаясь вперед, чтобы он уж точно услышал.

– Она – моя мать! – громовым голосом рывкнул Николай, возмущаясь, что жена и сейчас не уважала родную женщину, относилась к ней предвзято и нагло. А ведь должна понимать, терпеть, где-то промолчать, и тогда все было бы нормально. Он знал, что мама не идеальная, но родных не выбирают. Вон Лидка, жена его брата, души в свекрови не чаяла, в рот заглядывала, и та к ней с любовью.

– Только поэтому терплю ее в нашем доме и довольно спокойно отвечаю на ее оскорбляющие выпады. Или ты этого не видишь?! – повышая тон, осведомилась Анна.

– Аня!

Женщина мгновенно метнулась к нему и громко проце-

дила в лицо:

– А что Аня? Что Аня?! Я, по-твоему, сейчас должна оправдываться? Убеждать, что я с ним не сплю. В ногах валяться и молиться, чтобы ты поверил?

– А что, плевать на меня? Никто для тебя?! Так, выходит? – грубо ответил он, и в следующую секунду его щеку обожгла горячая пощечина.

Женщина со слезами на глазах смотрела на мужа, пораженного ее поступком, и удивлялась, как могла доверять и быть столь слепой. Идиотка! Отмечая, как он метнулся к ней, схватив за локоть, уверенно встретила его взгляд, в котором полыхали растерянность и обида, и горько усмехнулась.

– Ань, я... – начал мужчина, понимая, что обидел и, вероятно, допустил ошибку.

– Руки убери, – безжизненно сказала она.

– Аня...

– Не смей меня трогать! – закричала женщина, злясь, что муж не понимает ее просьбы и состояния. Дернула локтем и вырвалась из захвата.

– Я просто растерялся... – попробовал оправдаться Николай, сдерживая себя от желания обнять любимую женщину. Он знал, что сейчас она не примет его ласку. Слишком гордая, и, возможно, поэтому у них периодически появлялись проблемы. Он хотел защитить ее от всех, хоть и не понимал иногда, считая, что можно быть нежнее, а делал только хуже.

Анна повернулась к выходу, чувствуя, что на грани, еще

немного и разрыдается, и еле слышно выдохнула:

– Я не хочу тебя видеть.

– Ты что бред гонишь?! Я твой муж и буду воспитывать двух детей даже не смотря...

Женщина обернулась, не веря, что слышит, не понимая, как такое возможно, и задавив в себе желание вновь ударить, сокрушенно успокоила:

– Ну что ты... мне твои подачки не нужны. Раз нагуляла, сама справлюсь. Не переживай...

Не стала слушать его оправданий, ей они были не нужны. Не сейчас. Может быть, потом, но не сейчас. Не сейчас! Быстро пошла вперед из дома, чувствуя, как ее трясет. Ничего не видела и не слышала. Бежала, пока не поняла, что все... не может больше. Рыдания душили. Ей было так плохо на душе, что не хватало сил вдыхать ртом воздух. Отчаяние душило, словно железная рука, уничтожая надежду на счастье.

Невыносимо больно. Казалось, все хорошее и нежное в сердце сгорало, и оставалась пустота. Безжизненная пустота. Она до сих пор не могла принять его слова... подачки.

«Надо же... он будет заботиться. Пусть о себе заботится!»

Как же так получилось? Когда все вышло из-под контроля. Анна не могла принять мерзкую действительность: ее муж не поверил ей, посчитал, что она способна на предательство. А ведь женщина никогда и не думала о таких глупо-

стях, даже мысли не появлялось, чтобы быть с кем-то другим, изменить. Не ради этого она замуж выходила. Только он, только с ним, а оказалось...

«Как мог? Как он мог?!» – повторяла про себя Анна, сжимая плечи руками, чувствуя себя ненужной, грязной и оплеванной.

Так и стояла у стены, прислонившись спиной, пока не услышала детский плач. Лихорадочно понимая, что это сын, моментально сорвалась вперед, открывая деревянную калитку заднего двора, с ужасом замечая светлое пятно в темноте. Олег стоял у курятника и горько плакал, звал ее.

Мать схватила своего мальчика, поднимая на руки, и быстро зашептала:

– Ну что ты, родной мой? Ну ты что, Олежка? Не плачь. Мама рядом. Мама здесь с тобой.

– Папа кричал, звал тебя, а потом... – захлебывался слезами малыш, продолжая рассказывать: – А потом пошел и сел в машину. Я так боялся, хотел с ним быть, а он закрыл меня во дворе, и сказал, что ты скоро вернешься. Это правда? Наш папа вернется, правда же? Да, мама?

Еще сильнее обняла его женщина, ужасаясь, до чего довели ребенка. Он же все понимает. А они... Нет так не пойдет, нужно поговорить с Николаем, чтобы не смели так сына пугать. Или... Она ничего сейчас не понимала, но знала одно – нужно успокоить малыша.

– Ну конечно! Конечно, он вернется. Это наш папа. Ты

прости нас. Мы немного поругались, но все будет хорошо. Обязательно все будет хорошо, – успокаивала она, чувствуя слезы по щекам.

Только немного успокоилась, как вдруг ощутила тяжесть внизу живота, словно огромный камень рухнул с высоты, парализуя, отчего она застыла на месте.

Виски сжимало от боли, а перед глазами стоял туман, но страх, что уронит ребенка, взял вверх. Кое-как согнувшись, Анна поставила мальчика на землю и, хватаясь за лестницу, прибитую к крыше бани, прошептала:

– Пойдем домой, родной? Полежим на диванчике, мультик посмотрим, а там... и папа придет.

Малыш кивнул, и Логинова ему вымученно улыбнулась. Сделала шаг и поняла, что отпустило. Вздохнув, взяла сына за руку и повела по дорожке к дому, стараясь отрешиться от всего.

* * *

Уложив сына спать, Анна приготовила вещи для детского сада, а потом вышла из комнаты, оставляя дверь открытой. Олег всегда хорошо спал, не просыпаясь, но все же женщина боялась, что он внезапно проснется и испугается темноты. Убрав игрушки, что сын спрятал за креслом, она поправила декоративные подушки на диване и вышла на улицу. Ледяной ветер моментально пробрал до костей, и женщина пожа-

лела, что ничего не накинула на плечи.

Немного постояв, не переставая думать о том, что произошло, она побрела в дом, не понимая, почему Коля так долго. И куда отправился? Да как куда?! Зная мужа, она точно могла сказать, что он поехал к Давыдову, еще раз разбираться. Но зачем? Тому ничего не докажешь. Совсем. Он невыносимый эгоист.

«Надо же... беременна от него. Додумался сказать. И Коля тоже хорош! Он же эмоциональный. То плевать ему на все, то перегибает палку».

Женщина закрыла глаза и прислонилась к холодной поверхности деревянной пристройки. Что-то в груди не давало покоя. Плохое предчувствие пожирало изнутри.

«Лишь бы все было хорошо!»

Нужно было ей сразу признаться. Но она же не думала, что Давыдов до такой степени невменяемый и неадекватный. Хотела сама. Но нет. Предпринимателя только раззадоривали ее отказы. Ему загорелось и плевать, что он сунул свой нос в счастливую семью.

Постояв еще некоторое время, пока стало совсем невыносимо холодно, Логинова пошла домой. Включила телевизор и легла на диванчик, рассматривая маленькую комнату. Хоть и трехкомнатный дом, но все комнаты были маленькими, узкими и низкими. Высокому человеку здесь было бы неудобно. По-хорошему – давно нужно было снести его, но нет, эта «развалюха» им досталась, вернее, мужу. Дом числился на

балансе у сельского совета, пока Николай не отработает десять лет в должности участкового. Пусть они жили вместе, но недвижимость закреплена за ним, так как участкового в деревне не было, и никто не стремился сюда, поэтому администрация поселения пошла на такие расходы, естественно, со своими пунктами. Если Логинов уволится или еще что, дом останется за сельским поселением. Вот так. Она с сыном никак не влияла на договор, хоть и работала в администрации. Еще бы, на ее место очередь.

Вещей и мебель они не покупали, копили, чтобы купить новый дом, раз уж больше ничего не светит. Хотя когда давали ключи после подписания бумаг, намекнули, что если появится вариант получше, то им поменяют, но такого чуда не случилось. Поэтому копили сами, надеясь, что домишко еще простоит десяток лет. Они лишь заменили диван, так как старый развалился. Достался от кузнеца, который продал дом.

Анна смотрела куда угодно, только не в телевизор. Потом не выдержала и выключила, предпочитая сидеть в темноте. Все думала, думала, не зная, как быть в сложившейся ситуации. Сейчас ей казалось, что они смогут пережить эту проблему, ведь Коля знает ее, поймет, что ошибался. Да уже понял. Это так он... на эмоциях. Свекровь умело действовала на сына, но и жена на него влияла. Если бы он полностью слушал свою мать, они давно расстались. А так столько времени вместе и все было хорошо. Ну, может, иногда у него

проскакивало, но не так чтобы она была тревогу.

Взглянув на время, с ужасом поняла, что уже двенадцать часов ночи. Очень поздно. Почему муж так долго? За это время можно было сто раз поговорить и вернуться. Район недалеко от деревни находился.

Поднялась и стала ходить по комнатам, пытаюсь успокоиться, но не получалось. Когда услышала звон стационарного телефона, разрывающего тишину, бросилась к нему, быстро хватая и прижимая к уху.

– Да, – выдохнула она.

– Анна Владимировна? – послышался сухой голос.

– Да, это я, – поспешно заверила женщина, предчувствуя беду, опасаясь, что Николаю стало плохо.

– Старший лейтенант Костиков Олег Игнатьевич, – представился мужчина и через небольшую паузу проговорил: – Звоню, чтобы сообщить о трагедии. Ваш муж застрелился из табельного оружия...

Дальше она не понимала. Прижала руку к груди и с ужасом смотрела вперед, пытаюсь принять слова. Руки не держали, и трубка упала на пол. Женщина схватилась за голову и закричала...

Глава 1

2019 год

4 апреля, четверг

Уже собиралась домой, когда в дверь постучали. Я не отвечала, зная, что у нас тут селяне стеснительностью не страдают, как к себе домой заходят. Хорошо хоть с пинка не открывают.

– Анна, – произнес Егор Петрович, глава сельского поселения, старательно закрывая дверь, двигаясь ко мне с улыбкой довольного кота, чем взбесил. Его намеки и шантаж давили, что хотелось убежать.

Стремительно обернулась и сказала:

– Я вас слушаю.

– Ну почему вас, Анечка? Я думал, что мы как родные, – сообщил он, шикарно улыбаясь, поправляя свой серый пиджак.

Нужно заметить, что мужчина располагал, не вызывал агрессии, наоборот, некое восхищение, особенно как решал дела, быстро справляясь с любым вопросом, и выглядел он шикарно для своего возраста. Примерно под пятьдесят, подтянутый, всегда выбритый, волосы немного с сединой.

– Егор Петрович, я вас слушаю, – довольно резко сказала, показательно посматривая на руку с часиками, намекая, что

спешу.

– Вот, решил подвезти тебя домой. Заберем детей и...

Открыла рот, искренне возмущаясь его предложению. Мне и так проблем хватало, выше крыши, а благодаря его заботе еще прибавится. Даже к бабке можно не ходить, знаю, что заключают, увидев, как я с главой разъезжаю, да своих детей из сада забираю вместе с ним.

– Нет, спасибо. Я их сама заберу, – выдала, схватив сумку, как тут же почувствовала захват своей руки. Мужчина недовольно взирал на меня, а потом заявил:

– Анна, не забывай, что я делаю все, чтобы ты и твои дети здесь хорошо жили.

– Спасибо, что согласились принять плату за дом и предоставили рассрочку, – поблагодарила, желая напомнить мужчине, что эту землянку я купила сама и еще должна им, как земля колхозу. На нормальный дом после смерти мужа я не могла рассчитывать, тем более, когда ушла в декрет. Два года после трагедии были самыми тяжелыми, потом я вышла на работу, что еще хуже, но в финансовом плане немного легче. И вот теперь выплачиваю. Но мужчина считал, что он подарил дом и всячески пытался затащить меня в постель.

– Ну, конечно, как иначе? Для тебя все что угодно. И если бы ты захотела, могла жить очень хорошо.

Сделала шаг к нему и вежливо сообщила:

– Я не хочу. Меня все устраивает.

Вновь повторив то же самое, что говорила уже много раз,

я обошла Сусикова и приблизилась к двери, как вдруг услышала:

– Я не вижу проблемы. Ты женщина, а я мужчина.

– Вот именно, поэтому прошу уважать мое мнение, просьбы, и не забывать, что вы женаты.

– Анна, но ты же понимаешь... – начал Сусиков, как всегда, в своей манере, объясняя удобную истину до такой степени понятно и доступно, что казалось, это единственным правильным решением, от которого радость будет всем, а особенно собеседнику. Убеждать мужчина умел. Только вот я попалась несговорчивая, твердолая... ко всем моим недостаткам. Если слушать деревенских, то я стерва с большой буквы и не знают они, в кого такие добрые и ласковые мои дети.

– И мне не нужны никакие разговоры, проблемы и объяснения, – сухо перебила мужчину, совершенно не желая слушать его мнение о том, как здорово быть любовницей.

– Я все могу устроить. Мы может поехать отдохнуть на...

– Егор Петрович, спасибо, но нет, – отчеканила и открыла дверь, взглядом предлагая ему выйти, вновь посмотрев на часы.

Ну а что делать? Если любезничать, можно долго торчать в этом кабинете, а потом согласиться, чтобы только не доставал. А такого я себе позволить не могла... Вон Ритка есть, кассирша наша, молодая красивая женщина, которая уже не знает, как привлечь к себе внимание Сусикова, а он меня

атакует.

– Нравится жить одной, чтобы клевали кумушки? – нахально поинтересовался Егор Петрович, как только оказался рядом, наблюдая, как я закрываю кабинет.

Смотрела на него и не понимала совсем. Вот мужчина! Идет к своей цели и плевать, что будет потом с женщиной и ее детьми.

– Нет. И надеюсь, это никак не отразится на наших рабочих отношениях.

– Конечно. И к тому же я верю, что ты хорошо подумаешь и порадуешь меня, – с улыбкой проговорил глава сельского поселения, пожирая меня глазами, отчего стало неудобно.

Когда он ушел, еще немного постояла в коридоре, чтобы успокоиться и как ни в чем не бывало выйти отсюда, и пошла вперед, вспоминая, что мне необходимо было купить для ужина в магазине.

Вздохнула, вдруг вспоминая, что было после той роковой ночи, когда заявили, что Николай застрелился. Даже мерзко вспоминать. И по сей день считается, что он не справился с проблемами в семье, ушел в лес и застрелился. Говорили про следы, что были свидетели, утверждающие, что видели две машины на обочинах, но потом все отказались от своих слов.

Похороны превратились в представление. Мать Николая истерично убивалась на земле, проклиная на могиле подлую убийцу, намекая на меня, а все кумушки успокаивали, про-

роча, что подлюке воздастся. Столько ярости, ненависти и все на меня в такой ужасный день. Мне казалось, что я стояла не у мужа на кладбище, а присутствовала на суде в змеином логове, где каждая змея выбрасывала яд. Именно там свекровь во всеуслышание прокляла будущего ребенка, заявив, что будет молиться, чтобы это чудовище не родилось.

Стояла словно призрак, прижимая к себе сына, с презрением и ненавистью наблюдая за ползающей женщиной, воющей и проклинаящей меня. А ведь свекровь и не понимала, что виновата во всем, именно она погубила нашу семью и жизнь своего сына. Вот к чему привели ее корыстные желания, сплетни, интриги. Она... и я убили его, ведь не уберегла, обиделась, отпустила...

Нужно отдать должное свекру, успокоил всех, громко рывкнув, чтобы все рты закрыли, либо выкинет к чертям собачьим, у него горе.

Ну а дальше начался ад, каждый смотрел на меня с укором, и на работу я ходила как на каторгу, где каждая кривилась, особенно Вера Николаевна, взглядами обвиняя в смерти мужа. Казалось со стороны, что это она безутешная вдова, а я – любовница. Смотрела, как она «убивается» и скулит, как все ей соболезнает – и было отвратительно. Я, конечно, не хотела их сочувствия, не нуждалась. У меня было огромное горе, и я его в себе переживала, но меня трясло от фарса. Не представляла, что может быть так.

Вся эта наигранность кромсала изнутри. Реальность ду-

шила изо дня в день. Я ненавидела каждый уголок этой «доброй» деревеньки.

Вопрос с домом возник сразу после сорока дней, когда меня попросили освободить «хоромы». Да, вот так, до этого дня не хотели беспокоить. Хорошо, что я еще дорабатывала, поэтому подошла к главе и попросила помочь. Нужно отдать должное. Сусиков помог. Заключила договор купли-продажи с рассрочкой на десять лет, где полтора года я ничего не платила, так как была в декретном отпуске, а потом уже снимали с зарплаты.

Но вот пришел час расплаты, как я поняла, и мужчина решил напомнить о себе и своей доброте. Я все, конечно, понимала, но расплачиваться телом не собиралась.

Свекровь настроила всех против меня, убедив, что ребенок – «выродок Давыдова». А тот соглашался и ждал, когда мне надоест и прибегу к нему за помощью.

Думала плюнуть на деревенскую поганую жизнь и первое время пожить у родителей, а потом купить домик в другой деревне, но у них поселилась старшая дочь с тремя пацанами. От мужа ушла. Мать попросила меня не превращать их дом в чистилище. Она и так слаба здоровьем.

Выхода не было, как и денег. Пришлось купить эту лачугу и жить. В декрете как-то все успокоилось, никто не трогал, хотя, может, и обсуждали, но я ни с кем не общалась, и не знала последних сплетен. В садик ходила, да в магазин, больше никуда. Трудно стало, когда дохаживала последние

недели. Некого было попросить корову подоить, а она у меня буйная, лягается и рогами бодается, да и другую скотину накормить. Все одна с огромным животом, убеждая себя, что пока еще можно. Подруг здесь до сих пор не было, пробовала подружиться с некоторыми, но что не скажу, на следующий день все перековерканное бабушками обсуждалось, когда в стадо ходила.

Родила маленькую Соню в октябре. Такую замечательную, нежную, вылитую я в детстве, и с новой силой пошла волна ярости и негатива. Свекровь бегала у роддома и кричала всем и каждому, какая подлая невестка у нее: убила мужа, и еще хочет записать на его фамилию чужого выродка. Даже ходила к главврачу с требованием запретить такое безобразие, а он посоветовал обращаться в суд и выгнал истеричку.

Вернулась домой через три дня. В это время дома была моя мать, попросила ее. Родители встретили и привезли в деревню. И спустя неделю начались яростные нападки от матери Николая на меня и мою дочь, пока не подала на нее иск в суд о защите чести и достоинства, не желая больше ничего слышать ни от кого. Вся деревня гудела, возмущенная моим бесстыдным поступком, но никто не приходил, переживая, что и на них заявлю. Свекровь, после предупреждения об увольнении, раз не умеет себя вести, притихла. Анастасия Витальевна понесла не только заслуженное наказание в виде штрафа, но и заплатила мне и моей дочери компенсацию морального вреда по решению суда. Больше никто не называл

мою девочку Давыдовой, как и он сам, исчезнув из поля зрения. С ним мы виделись несколько раз, но, отмечая ярость в моих глазах, уходил, задумчиво наблюдая со стороны.

Вроде как стало легче, но это только казалось. Свекровь уже не нападала, но своими сплетнями не давала спокойно жить. А вот предприниматель молчал и не появлялся, что настораживало. Но я надеялась, что он успокоился, потому что видеть его не могла. Мразь. Считала его виновником, была уверена, но против него улик не было. Оказалось, что Игорь Александрович в это время был в гостях у прокурора. И, естественно, какие тут подозрения и намеки?

После того, как сходила в магазин, забрала детей из сада, под веселые песни малышей отправились домой. После ужина, игр и баньки, уложила всех спать, а потом решила посидеть на лавочке крылечка в обнимку с черным котом. Пиратом его дети назвали, а я согласилась, смеялась, когда малышня ему повязку на глаза прицепляла.

Невероятно пахло свежестью. На улице было тепло, но очень темно. Внезапно со стороны дороги увидела свет от фар машины. Машина несколько раз проехала по улице и в обратную сторону. Очень медленно.

Странно. Обычно в моей стороне всегда тихо. Живу на окраине одна. Соседний дом справа разрушили, а с другой стороны лес, поэтому соседей не было.

Когда машина уехала, я поднялась, желая закрыть калитку, если вдруг забыла. Вновь посмотрев на убитую дорогу в

темноту, закрылась. Ругаясь про себя, что дверца держится на честном слове, отправилась в задний двор там все проверить. Месяц назад у Соркиных увели стадо баранов, но у тех все открыто и скотина не на привязи, так что неудивительно. А у меня... все знают, что я тут одна с детьми живу. Сейчас что только не делается ради легкой наживы.

Включив свет, лампочку под навесом, проверила все калитки. Только собралась уходить, как услышала глухой звук. Странно.

Стало не по себе. Как бы не убили...

Понимая, что нужно идти домой, бежать, если быть точнее, ведь куда мне, если там кто-то с молотком или еще чем, пошла в сторону бани, но остановилась, увидев вилы.

Стиснула зубы и, схватив их, направилась к калитке, ведущей на картофельное поле, где сейчас стояла вода. Именно оттуда доносились странные звуки.

Глава 2

Вышла, отмечая, что совсем темно. Видно, когда близко находишься. Только подумала, что мне показалось, как услышала мужской стон. Нахмурилась и, ругая себя за любопытство, пошла вперед, радуясь, что натянула сапоги, либо тут увязла бы. Продвинулась чуть дальше... к соломе, сваленной в гору, и, присмотревшись, увидела белую ткань.

«Что это?»

Сжала вилы сильнее и медленно пошагала вперед, чувствуя, как тону в мягкой земле.

Оказавшись рядом, увидела огромного мужчину в белой футболке, черной куртке и штанах. Он сидел и держался за плечо. Смотрела на него, а он на меня, тяжело дыша. Сглотнула и с волнением прошептала:

– Вы кто?

Он откинулся на солому и с перерывами еле слышно, словно ему было тяжело говорить, выдал:

– Мне... нужна помощь. Я заплачу.

Не верилось, что я вот в такой ситуации. Это же надо... Но, понимая, что незнакомцу кроме меня никто не поможет, кивнула и посмотрела в сторону, где были видны очертания дороги, и сухо заявила:

– Я вызову скорую.

Только сделала шаг по направлению к сараю, как услыша-

ла:

– Нет. На сегодня спрячьте меня, а завтра... я уеду. Только нельзя никого приглашать...

Стремительно обернулась, чтобы возмутится, но в это время мужчина закрыл глаза и не двигался. Испугавшись, сорвалась к нему и присела. Осторожно стянула куртку и увидела темное пятно. Кровь.

– Ты огромный. Одна не справлюсь. Можешь идти?

Он кивнул и чуть приподнялся. Невероятно тяжелый. Думала, умру, пока подниму. Но он помог, а потом почти сам шел. Так и доплелись до бани. Открыла дверь, решив поселить его в летней кухне, которую пока не использовала, и мы вошли. Кое-как уложила мужчину на маленький диван, который уже доживал свой век, и включила свет. Повернулась к нему, желая знать, кого приютила на свою голову.

Глаза незнакомца были закрыты, поэтому позволила себе внимательно его разглядеть. Красивый темноволосый мужчина спортивного телосложения. Все тело состояло из сплошных мышц, идеальный пресс. Широкие плечи, темная кожа, сломанный нос. И аура у него была такая хищная, что хотелось отойти на шаг. Пересилила в себе это желание и проговорила.

– Вас ранили.

– Да. Если дашь бинты, буду благодарен, – выдавил из себя мужчина, пытаясь снять куртку.

Кивнула, искренне радуясь, что ничего не нужно ему от

меня, и пошла в дом. Проверила детей, достала аптечку, нагрела чайник на плите и с этим добром поспешила в летнюю кухню. Когда вошла, мужчина сидел без футболки, разорвав ее и откинув в сторону, где уже валялась кожаная куртка. Он ножом ворошил в ране, словно в песочнице лопаткой.

«Да уж... еще бы кочергой там порылся».

Поставила чайник на подставку, стараясь не думать, что у меня на диване в летней кухне полуголый мужчина, и налила в миску кипятка, а из бани принесла чуть теплой воды. Котел уже остыл. Достала из погреба самогон, хранившийся на нужды, когда просила мужиков скотину приговорить или дрова переколоть. Это, конечно, помимо денег, как презент для скорости. Зато сразу отзываются и быстро все делают.

Протерла руки спиртом (чистый самогон иначе не назовешь) и налила в стакан, добавляя кипяченой воды. Кинула марлю в миску с горячей водой и, выжав, села к раненому, желая обработать рану и убрать грязь. Валялся непонятно где, а потом в ране ковырялся. Станный мужчина.

– Не нужно, – недовольно буркнул он, даже не повернувшись ко мне.

– Руку убери и дай мне обработать рану. Мне тут еще покойника от заражения не хватало, – грубо выдала, отчего он изумленно посмотрел на меня, а в следующую минуту убрал левую руку в сторону и не двигался.

Мой отец хирург. Я, конечно, не училась, но знала, что и как. Раньше хотела работать как он в медицине, но к один-

надцатому классу, поняла, что не хочу. Не мое. Да и не хотелось, чтобы мои дети были одиноки как я.

Обработав рану, и убедившись, что пуля не прошла навывлет, подошла к столу, чуть толкая его ближе к дивану, чтобы было все под рукой. Взяв пинцет, подогрела его зажигалкой, пока пальцам стало невыносимо держать, а потом обтерла спиртом. Вздохнула, надеясь, что справлюсь и села на стул.

– В рот что-нибудь дать твердое или сможешь вытерпеть? – спросила, хватая стакан со спиртом, разбавленным водой.

– Ты врач? – спросил он.

– Нет, – уверенно ответила и попросила: – Рот открой.

Когда влила ему жидкость, отчего его голубые глаза помутнели на мгновение, вытерла чистой марлей кровь на ране и осторожно пошла пинцетом внутрь, боковым зрением отмечая, что мужчина не движется, совсем никак не реагирует. Застыл.

Полностью сосредоточилась на процессе и почти сразу ударилась кончиками пинцета в пулю. Везунчик. Раскрыла чуть больше и осторожно зацепила ее, медленно вытаскивая, надеясь, что ничего не поврежу.

Знала, что ему сейчас адски больно, но он молчал. Вытащила пулю и, положила на тарелку. Вновь протерла руки спиртовой марлей, пытаясь успокоиться, потому как меня начало трясти, а потом обмакнула новую марлю в спирту и повернулась к мужчине.

– Потерпи еще немного. Хорошо?

Он только кивнул, а я безжалостно обработала рану спиртом, стараясь не думать о том, как ему сейчас погано. Дальше быстро перевязала рану и прошептала:

– Тебе повезло. Кровь почти не идет.

Он только кивнул.

– Я сейчас подкину дровишек, и здесь будет тепло. В дом не пущу. У меня там дети, – сказала и начала все убирать, скидывая в пакет, а потом отправляя в печь.

Только хотела дров подкинуть, но остановилась. Понимая, что нормально растопить нужно время, а если нет, то мужчина замерзнет, чего ему нельзя, нахмурилась. Холодно, а ему нужен уход и тепло. Пыталась вдолбить себе, что вот нечего делать мужику в моем доме, но, посмотрев на него, отмечая, что он держится на последних силах, стараясь не показать своего состояния, спросила:

– Давай еще раз встанешь, и дойдем до дома?

Он только покачал головой, а я разозлилась:

– Давай без этого? Будет лучше, сразу уйдешь, а пока... если уж рылась в тебе пинцетом, то уж долечу до конца.

Мужчина ничего не сказал, но когда обхватила его за узкую талию, принял помощь. Шли мы с ним на раскорячку. Я даже порадовалась, что соседей у меня нет. Заборчик бы не спас и все увидели, что я тут мужика выгуливаю.

В спальне помогла ему избавиться от черных грязных джинсов, стараясь не смотреть на волосатые крепкие ноги,

и уложила в свою постель, укрыв тонким одеялом. Схватила свою подушку и бросила в зале на диван. Закрыла дверь на два замка, один из которых – крючок и его можно выбить одним толчком руки, и села на диван. Хотелось зареветь, а не могла. В груди клокотало, но я только смотрела вперед, пока не появилась мысль, что нужно поспать.

Немного. А потом уже в шесть утра подъем и скотину кормить.

Мысль, что я привела в дом раненого человека, который потребовал, чтобы его не везли в больницу, пугала. Поэтому схватила подушку и пошла в детскую комнату, закрывшись и подперев старой швейной машинкой. Понимала, что глупо, но пока ее отодвинут, я точно проснусь.

Порадовавшись, что завтра у меня нерабочий день, потому что выходила работать в выходные на той неделе, и у детей, потому что не поведу, обняла Соню и, закрыв глаза, ментально уснула.

* * *

5 апреля, пятница

Утром просыпалась тяжело. Хотелось спать, но не могла, потому что нужно было вставать. Поднялась и, поцеловав детей, с улыбкой подумала, что они сегодня будут спать до десяти часов, ведь выходной. Или нет? Дети спать хотят, толь-

ко когда в сад, а если нет – ни свет ни заря уже прыгали по дому. Быстро переоделась и пошла в кочегарку, привести себя в порядок и затопить печь.

Когда вышла в коридорчик, вспомнила, что у меня в доме гость. Тут же открыла дверь в спальню и застыла в проходе, отмечая, что он спит. Не стала подходить, так как нужно было бежать к скотине. Закрыла дверь и поторопилась на задний двор, по пути закинув охапку дров в печку, затопив баню. Схватила табуретку и направилась в сарай. Корова отелилась еще в январе, принесла бычка, поэтому молока хватало и нам и ему и маленьким пороссятам.

Вышла мокрая, не понимая, зачем столько держу? Каждый раз себе обещала, что немного избавлюсь от хозяйства. Но как, когда оно кормит нас? Зарплата уходила на оплату дома и коммунальных услуг. Пособие тратила на самое необходимое для детей и себя. Продукты только самые необходимые приобретала в магазине. Ну и еще откладывала на уголь и дрова. В деревне проще прожить без денег, имея хозяйство, чем в городе или в районе, но столько сил и труда необходимо, что лично мне это все поперек горла стояло. Если бы была возможность, то пропади оно все пропадом. Но сейчас выхода не было.

Ополоснувшись чуть теплой водой, почувствовав себя свежей, переоделась в чистые джинсы с водолазкой и пошла домой. Замесив тесто на беляши, и приготовив фарш с луком, проверила детей и пошла к гостю. Только сейчас до ме-

ня дошло, что, вероятно, у него есть температура. Такая рана и столько грязи там было, и пусть я все обработала, но все равно есть вероятность, что что-то да осталось. По-хорошему, нужно отправить его в больницу. Тяжелая рана, а я не врач, чтобы брать на себя такую ответственность.

«Надо же... Как будто у меня проблем нет».

Вошла и прикрыла дверь, чтобы дети не увидели, если вдруг проснуться. В комнате уже было тепло. Осторожно пошла и приложила палец ко лбу, ощущая жар. С горечью посмотрела на потолок, даже не удивляясь. Только повернулась уходить, как услышала хриплый вопрос:

– Как тебя зовут?

Резко обернулась, отмечая затуманенный взгляд голубых глаз, и прошептала:

– Зачем?

Он криво усмехнулся, словно ожидал от меня этого ответа, что удивило, а потом нагло заявил:

– Хотел знать имя своей спасительницы.

Молча смотрела на него, отмечая мощную мускулатуру, мышцы и при этом он не казался качком – шикарное тело и сам он ничего. Сексуальный мужчина. Тут же стало неудобно. О чем думаю? Глупости. Три года нет секса – видно сказывается. Совсем уже...

– Я градусник принесу, чтобы померить температуру. И нужны антибиотики... Пулевое ранение – это не просто так.

Мужчина сканировал мое лицо, словно пытался понять,

или разбирал слова, а потом сказал:

– Я не могу к вашим врачам, чтобы не было лишних вопросов. И нельзя мне задерживаться у тебя... – сказал и скривился.

«Что не так?!»

Тут же подошла к нему и, откинув одеяло с груди, села рядом, осторожно убирая повязку. Ну что сказать...отек и рана выглядели ужасно. Не медик, но видела, что тут нужна помощь хирурга. Проклятье.

Что он там сказал? Не может?!

Вновь посмотрела на рваные участки раны и поняла, что ее бы по-хорошему зашить нужно, слишком глубокая и большая, да и обработка нужна. А у меня ничего не было. Со-всем. Осторожно провела пальцами, отчего его мышцы напряженно застыли, и, обдумывая ситуацию, решила подбить гостя к правильному решению.

– У меня отец – хирург. Он сегодня планировал заехать к внукам, – без зазрения совести соврала, чтобы он понял, что выхода у него нет.

Мужчина молчал, просто смотрел на меня, о чем-то размышляя. Взгляд у него хищный, поэтому отвернувшись, отмечая маленькую комнату, где кроме кровати и огромного старого шкафа ничего не было. Сглотнула и добавила:

– Я не врач. Тебе нужна помощь опытного хирурга. – Поднялась и направилась к двери, задержавшись на мгновение, чтобы сказать: – Отдыхай. Я воды принесу.

Почти вышла, как услышала в спину:

– Спасибо.

Не поворачиваясь, кивнула и пошла к стационарному телефону. Обычно папа уже не спал в это время, был в больнице, но сегодня у него выходной. Он всегда рано вставал. Главное, чтобы на работу не вызвали, а то у него всегда все выходные через одно место. Сколько помню, так все планы бесконечно переносились из-за срочного вызова.

Набрала номер и, услышав хрипловатый голос, поздоровалась:

– Пап, привет.

– Привет, Анют, – живо выдал он, радуя оптимизмом. – Ты как?

– Все нормально, – поспешно заверила и через паузу попросила: – Ты сможешь приехать?

– Анюта, я сегодня мальчиков хотел везти в город. Одежда им нужна. Растут как на дрожжах. И Ольге денег нужно передать. Проблемы у нее. Твоим что-нибудь нужно? – спросил он, давая понять, что точно не приедет.

Не любила вопросы про помощь, потому что никогда не умела просить. Мне тяжело, вероятно, поэтому мне было сложнее, чем моей сестре. Оля только и делала всю жизнь, что плакалась, выпрашивая на себя и детей денег. Отец с матерью полностью обеспечивали мальчиков и ее, а она устраивала свою жизнь. В последнее время стала ездить в город, то с одним, то с другим пытая счастья, а на детей откоро-

венно забила. А у меня просто язык не поворачивался просить, чтобы еще и моим покупали. Получали они хорошо, но содержать себя, троих школьников и взрослую женщину со своими запросами – это тяжело. Но Ольге было плевать. Она умела просить и убеждать, а ласковая теля, как известно, двух маток сосет. Но... хоть я не просила, родители, когда могли, помогали продуктами, за что была искренне благодарна. Они привозили и молча ставили на пороге, бурча, чтобы сразу убирала.

– Нет, пап, не нужно. Но мне катастрофически необходимо, чтобы ты хоть на десять минут приехал ко мне... Один. Повисла тишина.

– Без матери? – уточнил он, понимая, что не просто так я его зову.

– Да. Один, но со своей волшебной сумкой, в которой обязательно найдется что-нибудь, чтобы проверить состояние больного после огнестрельного ранения.

– Ань, ты куда... С тобой все хорошо? Или дети?

– Папа, нет, не переживай, но прошу, без вопросов. Пожалуйста.

Послышался тяжелый вздох, и мужчина выдал:

– Ты извлекла пулю?

– Да, семь часов назад. Обработала.

– Отек?

– Да, и температура, – выдала, прижимаясь к стене, чувствуя тяжесть в груди.

– Понял, через полчаса жди.

Устало улыбнулась, радуясь, что он у меня такой замечательный, и проговорила:

– Спасибо.

Отец не ответил, положил трубку. А я несколько минут еще стояла с закрытыми глазами, набираясь сил, а потом сполоснула руки в рукомойнике и отнесла мужчине градусник и стакан воды с обезболивающим, понимая, что ему сейчас очень плохо.

Когда вернулась в свою кухню, занялась тестом. Пожарив первую партию беляшей и закинув вторую в чугунную сковородку с раскаленным маслом, сполоснула руки и пошла к мужчине, объясняя себе, что беспокоюсь лишь потому, что не хочу проблем в своем доме.

Незнакомец спал. Потрогала лоб и поняла, что температура поднялась. Увидела нетронутую таблетку на тумбочке. Все лежало так, как я положила. Сил нет?

Только хотела уйти, как заметила, что больной открыл глаза и устало посмотрел на меня. Пользуясь ситуацией, поставила под мышку градусник, заставила принять таблетку и сказала:

– Потерпи, отец скоро будет. Он и мертвого поднимет.

Мужчина криво усмехнулся, отчего лихорадочный блеск в глазах очень хорошо стал заметен, и спросил:

– Ага... А ты замужем?

Не ответила, но, замечая, что он ждет, кивнула, чтобы не

было проблем. А то кто его знает...

– Жаль, а то бы женился, – закрыв глаза, порадовал он меня.

Решила, что у больного галлюцинации и, услышав писк, посмотрела на градусник. Сорок. Неудивительно такой бред нести.

Глава 3

Отец прибыл точно по времени, как и обещал. Человек дела и слова. Тесто раскатывала, когда он вошел. Он обнял, а потом напрягся и спросил:

– И... где?

– В моей спальне, – сказала, вновь накладывая фарш в тесто, начиная заворачивать.

– Ань, ты же понимаешь... – начал он намекать на опасность. Но что я должна – выкинуть его?! Пусть помирает?! Отец бы так тоже не сделал. Понимаю, что он волнуется, но если бы видела опасность – первая полицию вызвала.

– Пап, ему плохо. Посмотри, – сказала, продолжая лепить, намекая, чтобы занялся больным, а не меня убеждал. Если он здесь, значит, так решила.

Владимир Игоревич кивнул и ушел. Была счастлива, что мы так хорошо друг друга понимаем. Отец у меня замечательный, только занят всегда.

Полностью переключилась на готовку. Пожарила беляши и потом убрала кухоньку, успев подтереть пол. На время посмотрела – почти десять. Папа у раненого мужчины уже сорок минут. Он лишь раз выходил из дома, но ко мне не подходил. Только подумала посмотреть, что там происходит, как увидела отца. Кроме своей «замечательной» сумки он еще держал пакет с кровавыми салфетками, использованными

шприцами. Мужчина передал мне и показал на кухню, предлагая поговорить. Кивнула и, пройдя вперед, спросила:

– Чай с беляшами будешь?

Тарасов кивнул и, оставив сумку в коридоре, прошел в кухню к умывальнику. Он новый, два года назад куплен, но уже кран три раза ломался, краска слезла, почернел в некоторых местах, а электрообогреватель уже через неделю после покупки накрылся. Естественно, такую вещь легче вновь купить, чем платно отремонтировать, а самим починить – мужа нет. Отец в таком у меня не понимает. Не по его части.

– Буду. Лида не балует, все некогда. Поэтому с внуками в беляшную отправляемся.

Я молчала. Кому он рассказывает? Я-то знаю точно, что Лидии Олеговне не до этого, поэтому старалась быть другой со своими детьми. Не помню, чтобы мама в кухне задерживалась, больше чем на десять минут, пока семья трапезничала. Она замечательная женщина, немного суровая, но, как бы там ни было, люблю ее.

Налила крепкий чай – примерно половина заварки и столько же кипятка. Мой отец не любил еле живой, предпочитал ядреный и свежий. И кружку ему специальную покупала. Огромную, чтобы пить да пить. Две взяла, одну ему на работу, а другая у меня, когда в гости приезжал.

Поставила перед ним горячий напиток и поинтересовалась:

– Как он?

– Он... крепкий, все будет хорошо. Ты молодец, но нужно было шить. Рана большая. Я все сделал и вколол ему антибиотик. На столике оставил листок с ампулами и уколами. Ставь четко по инструкции.

– Поняла, – заверила, подумав про себя, что теперь точно будет хорошо.

– Не волнуйся, – подбодрил отец.

Ничего не сказала, села и просто смотрела, как он застраивал. Отец, Тарасов Владимир Игоревич, у меня – шикарный мужчина. Невероятно высокий с густой шевелюрой, при этом крупный. Он только своим видом восхищал. А руки у него золотые. На него молились в районе и в близлежащих деревнях, а я гордилась. Всегда, сколько помню себя. Но в одиннадцатом классе поняла, что не хочу своим детям такой жизни и пошла на экономический факультет.

– Ань, ты совсем уставшая, – выдал он и, я очнулась, понимая, что задумалась. Виновато улыбнулась ему, немного кивая, извиняясь, и спросила:

– Что там Ольга?

Он нахмурился и замолчал. Когда его что-то раздражало или он сильно беспокоился, всегда так себя вел. Мужчина сделал большой глоток из кружки и произнес:

– Оказывается, она год назад взяла кредит на большую сумму для своего сожителя, который оказался аферистом, и теперь ей звонят коллекторы, на квартиру приходили. Пугали.

Я просто слушала. Уже не впервые, и что возмущает, ни что не учит мою старшую сестру. Сейчас она жила еще с одним альфонсом, притом на деньги родителей, так как работала продавцом в магазине в убыток с вечными недостатками. С сестрой мы почти не общались. Так сложилось. Не понимали друг друга. На праздниках лишь, пока она не начинала хвалить своего очередного мужчину, которого всегда представляла как мужа, заставляя детей называть отцом, от этого трясло. Я понимала, ей хочется любви, но когда у племянников отцы меняются через каждые полгода, неудивительно, что они непослушные и даже проблемные. Старший, Илья, стыдился матери, а она махала рукой, считая, что любовь двоих куда важнее старшего, списывая на непутевый характер его отца. Разговоры приводили к слезам, отец молча уходил, мать успокаивала всхлипывающую Ольгу, ну а я – как всегда жестокая и непонимающая. Возможно, просто я не могу принять такого отношения. Мне жалко племянников.

Отец говорил, рассказывая монотонно, уже привычный к выкрутасам дочери, а потом вдруг замолчал и проговорил:

– Ань, ты понимаешь, что у тебя незнакомец с огнестрельным ранением? – отмечая мой спокойный взгляд, он пробубнил: – Нужно...

– Пап, пожалуйста – попросила я, все прекрасно понимая. Знала, что рисковала, но вот чувствовала, что все правильно.

– Не спорю, он... произвел впечатление. Мы перекину-

лись несколькими фразами, пообщались. Но ты должна понимать, что не просто так ему прострелили плечо, и он отказался от госпитализации. И у тебя в доме дети, да и ты сама. Никто не защитит.

Защитит. Какое слово! Да если кому нужно, то доберутся, даже если бы и муж был жив – не помеха. Я до сих пор считала, что моего мужа убили. А ведь он не простой человек, участковый со специальной подготовкой.

– Я понимаю. Он... уйдет, как ему станет лучше.

– Дня три или четыре нужно будет смотреть за ним, следуя моим рекомендациям, а потом уже будет нормально.

– Спасибо, – поблагодарила.

Отец поднялся и, помыв руки, схватил сумку и пошел на выход. На секунду остановился и спросил:

– Дети спят?

– Да, – сказала, отмечая огорчение на его лице.

Он кивнул и пошел на выход, хватая тонкую ветровку. Апрель у нас стоял холодный, поэтому даже отец, закаленный мужчина, потеплее одевался, чтобы не заболеть. Проводив до машины, пожелала счастливой поездки и направилась домой.

* * *

Дети проснулись через десять минут, и я пожалела, что отец уехал. Но он всегда занят, спешит, не стал бы ждать.

Когда малыши съели кашу и попили чай с беляшами, счастливые побежали играть в зал, а я посмотрела на плиту, не зная, что готовить. Вечный вопрос. Особенно, если нужно то, чтобы дети точно съели, а не я, так как они не хотят, а тебе жалко свой труд. Никогда не заставляю, но всегда иду на хитрые меры, придумывая конкурсы, на что они охотно соглашаются. Иногда обещаю вкусное тем, кто все съел, либо совместная прогулка. Обычно сразу съедают.

Остановила выбор на плове и курином супе. И раненому бульон не помешает. Непривычно было заботиться о чужом мужчине в своем доме. Странно и непонятно.

Осторожно вошла в свою спальню и устремила взор на постель. Незнакомец спал, не двигаясь, замерев в одном положении. Такой сильный, огромный... в моей постели. Непривычно видеть здесь кого-то кроме Николая, но мужа нет уже три года.

Решив, что есть время, начала собираться на улицу, чтобы заняться делами по хозяйству. Обещали потепление, поэтому с нетерпением ожидала. Как никогда холодный апрель. А хотелось тепла.

Провозившись во дворе несколько часов, занимаясь незначительными делами, которые всегда занимают много времени, поняла, что замерзла. Тем более малыши одни. И пусть я постоянно бегала к окну в зале, проверяя детей, но все равно беспокоилась. Не успела зайти и раздеться, осознала, что в зале очень тихо. Обычно сразу слышно, а тут ти-

шина. Испугалась и быстро прошла в зал, но никого не увидела. Даже не думая, рванула в спальню, ругая себя, что не предупредила их о госте. Но они никогда в мою комнату не заходили. Всего дома предостаточно было.

Только открыла дверь, как увидела такую картину: Олежа сидел со стороны ног мужчины, а Соня у головы и расчесывала ему волосы, причитая, что теперь он будет красивый. В следующую секунду посмотрела на гостя, откровенно ожидающего, когда до него дойдет очередь. Мужчина не смотрел, а пронизывал, и вместе с тем располагал к себе.

– Так, и кто разрешал заходить в комнату? – выдала, спрашивая строгим тоном, отчего дочка надула губки бантиком, но не сдвинулась, а Олег начал пятиться.

– Мама, а дядя Стас теперь будет жить с нами? – вдруг спросил сын, чем удивил. У него сейчас период, когда все интересно. Иногда перебарщивает, так как хочется отдохнуть, а тут вопросы о том, почему его обманули про его рождение. В капусте никого не находят, детей из больницы приносят. И вместо сна начинаешь усиленно думать, что ответить.

«Стас. Оказывается, его зовут Стас, и мои дети первые об этом узнали».

– Нет, – проговорила и добавила: – Выходим. Вы же видите...

Начала говорить и осознала, что меня не слушают. У детей глаза горели любопытством. Нужно срочно уводить отсюда.

– Мама, а ты дядю спасешь? – с волнением на маленьком

личике, коверкая слова, прошептала моя феечка, и я даже растерялась.

– Дядя Стас любит сказки, и мы рассказывали ему их. Я умею ведь по картинкам, – гордо заявил Олег.

– Да, – подтвердила малая, с таким убеждением в глазах, что хотелось засмеяться. У нее всегда присутствовала такая невероятная мимика, что я не переставала влюбляться в эти глазки, личико, щечки. Моя маленькая хулиганка.

Я перевела взгляд на сына, держащего в руках много сказок, и поразилась. Почти всю библиотеку принесли сюда и завалили ими Станислава.

– Олег, дяде нужно отдохнуть. Вот когда поправится...

– Он останется у нас? – с надеждой выдохнул он.

«Я разве такое говорила?!»

– Нет. Ему нужно возвращаться домой... к семье...

Дети повернулись к мужчине, ожидая услышать подтверждения. Станислав хоть и выглядел замучено, но улыбался. Он на мгновение замялся, но, увидев, как я приподняла бровь, намекая, что от него требуется сказать лишь одно слово «да», заявил:

– Как поправлюсь, мне нужно будет по делам... А пока, если ваша мама не будет против, останусь здесь.

«Мама против, но когда знаешь, каково жить, если нет желающих помочь и понять, не можешь поступить иначе».

– Не-е-ет, наша мама до-о-обрая, – протянула дочь, погладив мужчину по волосам расческой, больше захватывая

кожу, чем волосы на лбу.

– Дети, выходим, – категорично заявила, отчего Соня вздохнула и, посмотрев на своего мягкого зайку, лежащего рядом, схватила и вложила в широкую ладонь мужчины, убежденно заявив: – На! Он добрый.

Дети вышли, и я посмотрела на мужчину, который внимательно наблюдал за всеми. И такой взгляд у него... осязательный, что невольно чувствовала себя под прицелом. Только хотела выйти, как услышала бодрый вопрос:

– А как же спросить про самочувствие?

Даже задохнулась от возмущения. Посмотрела на него и, хмыкнув, оценив наглость, на секунду задумавшись о том, не выздоровел ли он, чтобы выпроводить, любезно поинтересовалась:

– И как?

– Нормально. Кстати, люблю детей, могу посидеть, если выходишь, – совершенно серьезно заявил он, без намека на вежливую услугу ради приличия.

– Спасибо. Не нужно. Отдыхай, – ответила и вышла, четко осознавая, что вот что-то не так. Еще четыре часа назад я была хозяйкой положения и ухаживала за больным. А вот сейчас ощутила себя мышкой рядом с огромным хитрым котом.

«Или мне так кажется?!»

Незамедлительно направилась в зал к детям. Они сидели на полу и играли в кубики, соревнуясь, у кого башня выше. Олежка, естественно, всегда выигрывал, что очень огорчало Соню. Поэтому я уселась рядом и стала помогать дочке, между прочим, интересуясь, как они оказались в спальне. В ответ слышала объяснения о том, что они играли в прятки, а Олег, оказывается, любит прятаться за моей кроватью. Так они и нашли раненого доброго дяденьку.

Обдумывала, как бы спросить о том, что они рассказали Станиславу. Положив еще один кубик на башню, хлопнула в ладоши, и с восторгом сказала:

– Вот какие мы молодцы! У нас самая большая пирамида!

Дочка довольно засмеялась, прыгая от радости, а сын надул губы и обиженно сказал:

– Это потому что ты Соне помогала, а так нечестно!

Улыбнулась и, протянув руки, позвала к себе. Мой мальчик обнял меня и со вздохом спросил:

– Мама, а ты не сердишься на нас?

Я отрицательно повела головой и прошептала:

– Нет, но я очень испугалась.

– Не пугайся, дядя хороший. И он починит Шарику будку. Он нам сказал.

– Да, починит, – подтвердила дочка, обнимая меня за

шею, отчего даже видеть не могла перед собой, потому что с двух сторон оккупировали, но была счастлива, что малыши со мной.

Понимая, что мои дети все выложили незнакомцу, вздохнула и попросила не заходить в комнату, если не разрешаю, и не разговаривать с незнакомцами, даже если они у нас дома, только если сама познакомлю. Пока говорила, не понимала, как докатилась до такой жизни, что в моей спальне неизвестный мужчина. После поцеловала каждого везде, где смогла, когда они барахтались, визжа, закрываясь от «хитрой лисички, желающей их съесть», и пошла готовить обед.

Через два часа я выключила суп, переставив на другую конфорку, и заглянула к мужчине, но он спал. А когда уже наливала суп, дверь открылась, и вышел Стас. Я сразу же направилась к нему, переживая, что грохнется где-нибудь, тем более пол неровный. Доски сгнили в некоторых местах. Оказавшись рядом, с волнением спросила:

– Что случилось?

Он пронзительно посмотрел на меня, не пропуская ничего, и спокойно выдал:

– Мне бы на улицу. Есть что накинуть? Если нет, я так. Мне не привыкать.

Кивнула и пошла в спальню. Конечно, вещи Николая мужчине будут малы, но помнила, что лежали и такие, которые муж любил носить свободными. Достала клетчатую рубашку и принялась помогать одевать, стараясь не смотреть на него.

Но, чувствуя каждой клеткой его прожигающий взгляд, все во мне взбунтовалось, даже появилось злость. Мог бы быть поскромнее, а он как будто пожирал меня. Мне такие мужчины не нравились. Откровенные и наглые. Чувствовала, что этот такой.

Так как отец перебинтовал его, пришлось правый рукав просто накинуть, не вдевая. Подумав, как он управиться со своими делами, испытывая стеснение, но в то же время, считая, что нужно спросить, резко уточнила:

– Тебе помощь моя нужна?

Думала, что не буду на него смотреть, но тут услышала, как он ухмыльнулся. Подняла голову и заострила внимание на лице, а именно голубых глазах. Столько силы, мощи, а также интереса, что пугало. Не нуждалась я в его внимании. Совсем. Помогла, и замечательно! Как поправится, пусть уезжает.

Застегнув рубашку, я прошептала:

– На улице не красуйся. Мне не нужны проблемы.

Он кивнул и вышел, а я пошла дальше наливать суп и раскладывать по тарелкам плов. Пришел Стас, когда уже дети стучали ложками, рассуждая, что в супе полезного и зачем его нужно есть. Стоило ему закрыть дверь, и я тут же спросила:

– Стас, пойдешь обедать?

Мужчина показался в проеме, согнувшись вдвое. Слишком он большой и высокий для этого дома. Он кивнул и на-

правился к рукомойнику. Мылся кое-как здоровой рукой, и видела, что ему очень тяжело. Поднялась и, зачерпнув в ковш воды, полила ему на руки. Замечая, что он хочет умыть лицо, переборола желание сесть на свое место, и, плеснув себе в ладонь воды, прикоснулась к его коже.

Мгновенно застыла на месте, чувствуя, что не могу дышать.

Вдох. Его проедающий взгляд. Выдох.

Резко убрала руку, испытывая облегчение, и посмотрела в сторону стола, где с удовольствием кушали дети.

Вновь вернула внимание к мужчине, подавляя желание зарычать от раздражения.

«Да что за чертовщина такая?!»

Взяла себя в руки и помогла ему помыться. Схватила чистое полотенце и быстро вытерла, пытаясь не дышать, злясь на себя за странное поведение и ненужные эмоции. Быстрее бы он пошел на поправку и тогда с удовольствием провожу его до калитки. Впредь подобным героизмом не буду заниматься.

– Мама, а дядя суп будет? – спросил сынок, и я кивнула, выдвигая Стасу стул, чтобы сел.

Дальше все было очень мило, даже семейно, потому что дети, не переставая, щебетали, радуясь, рассказывая все, что знали. Я лишь улыбалась, стараясь скрыть чувство тревоги. Только сейчас с ужасом осознала, что мои дети нуждаются в отцовской заботе.

Стало больно. Если бы Николай...

Не стала думать. Зачем? От этого легче не станет.

Я поднялась и расставила тарелки с пловом, пытаюсь делать вид, что все как обычно. Вероятно, нужно было спросить его о чем-то, но я не хотела. Не хотела ничего о нем знать, чтобы не сближаться.

«Три-четыре дня и мы распрощаемся с ним навсегда».

Глава 4

6 апреля, суббота

Сегодня было тепло и по-настоящему грело. Удивительно. Еще вчера я мерзла, желая быстрее оказаться дома, чтобы согреться, а сегодня готова была скинуть ветровку и остаться в кофте. Малыши играли на улице, прыгая в сапогах, потому как находились в огороде, где я все приводила в порядок. Конечно, земля еще была влажной, но я убирала территорию. Тем более, когда так светило солнце.

Посмотрела на детей, как играют, и только хотела предложить зайти домой, чтобы пообедать, как увидела, что по дороге мчится УАЗ. Участковый на рабочей машине.

Интересно, что ему нужно?

Повела челюстью, сдерживая вздох, и направилась к калитке, зная, что ко мне шурует. Больше не к кому здесь.

Участковый сейчас Луханкин Евгений Николаевич. Мужчина среднего роста, грузного телосложения, и пусть ему было под сорок, но седина в волосах покрывала всю голову. Он постоянно шмыгал носом и вытирал ладонью нос, чем отвлекал от беседы, потому как хотелось подать платок. Переехал с семьей сюда из другой деревни через два месяца после смерти мужа. Такой представительный и правильный, на первый взгляд, а потом стала проскальзывать лень, наглость

и корысть.

Еще Луханкин любил выпить, да так, что местные собутыльники кривились. Как оказалось, по этой причине и переехал сюда. Порой сельчане выгоняли коров и видели, как полз помятый мужчина с котлована, отпугивая женщин своим видом. Работать здесь было особо некому, поэтому терпели и не жаловались. Воровать в деревеньке уж очень любили, а жалобы в районе неохотно выслушивали. А вот свой участковый – это другое дело. Обязан! И неважно, что он только слушал, но ничего не делал.

Я сняла перчатки и, бросив в щель между штакетин, пошла к калитке. Только подошла, как услышала хриплый баритон, а потом показался мужчина. Он разговаривал по телефону с кем-то, соглашаясь, обещая, что обязательно подсобит.

Увидев меня, участковый окинул фигурку заинтересованным взглядом, пытаясь для себя что-то понять, и, завершив разговор, обратился ко мне:

– Добрый день, Анна.

– Здравствуйте. Я вас слушаю.

Мужчина скривился, словно сказала нечто неприятное, и пробубнил:

– Могла бы и повежливее, как-никак разговариваешь...

Сурово посмотрела на него, поднимая бровь, намекая, что он переигрывает, и выдала, перебивая его:

– Евгений Николаевич, не хотелось бы, чтобы вы просто

так навещали мой дом, и тем более, если по делу. Но вы здесь, а я вас не приглашала и не приглашу, поэтому я жду...

Мужчина хрюкнул, оценив мой честный ответ, а потом набрал в рот слюны и харкнул в сторону, на что мне захотелось выкинуть его со двора. Он скривился и начал свой разговор:

– В общем, мне тут Игорь Александрович сказал...

– А что, у вас сменилось руководство? – поинтересовалась, прекрасно зная, что участковый буквально боготворил ненавистного предпринимателя. За три года Давыдов купил все и всех в районе, подминая под себя. И Луханкин не стал исключением.

Не хотелось ничего знать об этой гниде. Пусть держится подальше от меня и моей семьи.

Евгений Николаевич недовольно скривился и, почесав нос, лениво выдал:

– Ты бы Логинова не бурагозила...

– Прошу уточнить, что вы имеете в виду, – невинно поинтересовалась, надеясь, что он смутится, но чуда не произошло.

Мужчина противно усмехнулся и начал:

– У Давыдова в понедельник день рождения и вся администрация поедет поздравлять его. Будет банкет и мы...

– Рада за него. Я не поеду, – отчеканила, чтобы обрубить продолжение и ненужный вопрос.

– Тебя не спрашивают, – грубо рывкнул он, начиная злить-

ся, что особо не скрывал.

Удивилась, как окрысился мужчина, хотя от него совсем неудивительно, и проговорила:

– И кто меня заставит?

– Игорь Александрович для поселка слишком много делает. Поэтому если нужно будет, то...

– Я ничего не буду, это не входит в мои обязанности, и ни перед кем я заискивать не собираюсь, там более перед Давыдовым.

Луханкин с яростью сжал кулаки и процедил:

– Мне поручили...

– Меня это должно волновать? – уточнила на всякий случай.

– Ты, Логинова, не забывай, что дом твой на балансе сельского совета...

– Это мой дом и я выплачиваю...

– Еще не выплатила.

– Вы угрожаете мне, Евгений Николаевич? – осведомилась, понимая, что Давыдов вновь активизировался. Стало страшно, мгновенно почувствовала жуткий холод по коже.

– Я тебе советую, – процедил он, дергая рукой перед моим лицом.

– Ну, тогда если все, пойду с детьми обедать. А уж по поводу дня рождения... Простите, плохо себя чувствую, – нагло заявила, своим видом показывая, что таким недугом не страдаю, но другой причины не придумала.

Он некоторое время стоял, с негодованием в глазах смотрел на меня, а потом хмыкнул, и молча направился к дороге. Закрыла калитку и наблюдала, как отъезжает машина, направляясь в поселок.

«Вот и все... наша спокойная жизнь закончилась», – с горечью подумала, в душе надеясь, что это только мои страхи и все будет хорошо.

Быстро прошла по заасфальтированной дорожке к детям и позвала их домой. Помогла раздеться, помыла ручки и счастливые мордочки, шмыгающие каждую секунду, любясь щечками и красивыми глазками.

– Так, что шмыгаем? – спросила, вытирая личико дочери.

– Я не шмыгаю, – пролепетала она, коверкая слова.

– Если заболеешь, сладкого не дам, – пригрозила самым жестоким наказанием.

– Я не болею, – убежденно пробубнила она, вытирая рукавом по носу.

– Смотри мне. Так, и кто мне поможет на стол поставить? – весело спросила я, слыша довольные выкрики радости.

Пока они ставили, пошла в комнату, чтобы переодеться. Уже в спальне вспомнила, что там мужчина и на секунду застопорилась. Ладно, возьму вещи и переоденусь в детской.

Вошла, и сразу заметила мужчину у окна. Зачем поднялся?! Что же ему не отдыхается?! А ведь отец сказал, чтобы он больше находился в кровати. Сегодня с утра звонил мне.

Но нет, Стас уже вовсю шастал по дому и смотрел в окно. Не удивлюсь, если завтра будет греться на солнышке.

Станислав прислонился к стене, в момент, когда приблизилась к шкафу, и внимательно наблюдал. Схватила футболку и принялась искать чистые джинсы, раздражаясь такому вниманию.

– Что ему нужно было? – грубо спросил мужчина, делая шаг ко мне, что заметила боковым зрением.

– Это ко мне, – нелюбезно сообщила я, не считая нужным оправдываться, продолжая искать джинсы.

– Твой мужчина? – нагло поинтересовался он, громко уточняя: – Ведь мужа у тебя нет.

Повернулась и, отмечая в его глазах убеждение и вопрос, прижала к себе вещи и пошла к нему. Приблизившись почти вплотную, выдохнула:

– Это тебя не касается!

Мужчина смотрел на меня, а в глазах его горел вызов. В мгновение воздух стал напряженным, что нечем стало дышать. Его тело превратилось в камень. Огромная большая гора. Станислав не двигался, никак не выдавал эмоций, но я чувствовала, что он сдерживает себя. Только от чего?

Резко развернулась и тут же ощутила на своем плече захват сильной руки. Даже застыла, не ожидая такой наглости. Подняла бровь, требуя убрать свою ладонь, но тут увидела в его взгляде бушующий ураган. Стас еще ближе дернул на себя, отчего почувствовала его невероятную силу, и пробуб-

нил мне:

– Он волк в овечьей шкуре. Будь осторожна.

Нахмурилась, понимая, что незнакомец, оказывается, не такой уж и чужой, вполне осведомлен по жителям, и спросила:

– Еще рекомендации будут или отпустишь?

Мужчина задержал взгляд на моем лице, а потом на плече, и, нагло усмехнувшись, отступил. Я пошла на выход и, не поворачиваясь, предложила:

– Сейчас будем обедать. Могу... сюда принеси.

– Я подойду, – категорично выдал он.

«Жаль...»

Быстро переодевшись и, намазав руки кремом, побежала в кухню. Мужчина уже сидел и разговаривал с детьми. Вспомнила вчерашний вечер, когда он пришел в зал и предложил поиграть. Это в его состоянии! Когда еще позавчера я вытаскивала пулю из его тела! Дети с радостью откликнулись, а потом стали смотреть с ним мультик, комментируя всех персонажей, чтобы дядя Стас был в курсе. Я же достала из корзины два клубка и начала вязать крючком салфетку. Хобби. Успокаивало. С такой жизнью мне очень помогало, немного приводя в порядок нервы. Было непривычно и домашнему, что мне не нравилось. Лучше бы сидел в комнате и молча выздоравливал. Злилась, но, наблюдая за радостью детей, не могла ничего сказать и тем более возмутиться.

Зачерпнув из кастрюли с борщом гущи, вылила в глу-

бокую тарелку. Когда управилась, поставила посуду перед детьми и себе, а мужчине пододвинула куриного бульона, и риса с паровой котлетой. Станислав смотрел несколько секунд на свой обед, а потом произнес:

– Анна, можно мне нормальной еды?

Села рядом и, понимая нахмурившись, категорично заявила:

– Нет. У тебя диета. И вообще, отец сказал, чтобы ты отдыхал, а не бегал.

– Я чувствую себя лучше и не могу постоянно лежать.

– Нужно, чтобы не было осложнений. Ешь, – сказала, тут же добавляя: – Паровые котлеты очень полезны.

– Анна, – начал он таким тоном, что у меня мурашки пошли по телу.

– Что? – спросила, подняв бровь, понимая, что мне нравится, когда он злится.

– Они вкусные. Когда мы бодем, мама тоже нам готовит их, – поделился сын, тихо признаваясь, прикрывая рот, чтобы я не слышала, вроде того, что он делится по секрету.

Мужчина вздохнул и принялся есть, а я выдала:

– Отец приедет вечером, чтобы посмотреть рану и сделать все необходимое.

Стас кивнул мне, соглашаясь, и проговорил:

– Спасибо.

После того как все тарелки были пустыми и стояли на столе у холодильника, дети убежали играть, а я начала мыть по-

суду. Мужчина никуда не ушел, повернулся ко мне и прожигал взглядом спину. Когда у меня все тело горело от его взгляда, я слышала:

– Олег сказал, что твой муж умер.

Напряглась, замирая с тарелкой в руках, которую намыливала губкой с моющим средством, и пробубнила:

– А ты не спрашивай, он и не будет говорить.

– Так что случилось? – пропустив мои слова, уточнил Стас. Наглец!

Думала, ответить, или нет. Да он хоть как узнает, если спросит у деревенских. Только услышит, не так, как было, а в ярких красках от местных жителей.

– Застрели...лся, – мгновенно поправилась, не желая говорить, что думала. Это ведь мои мысли. Они ничего не значат. Как мне сказал следователь: «Не нужно придумывать, гражданка! Или жить спокойно надоело?»

Мне не надоело, я даже не начинала еще жить нормально. Тогда было невероятно плохо, а дополнительных проблем я бы не выдержала. Ведь не железная же.

– Что случилось? – продолжал он допытываться.

– Я не хочу говорить.

– И все же?

Молниеносно обернулась и отчеканила:

– Стас, я ничего не знаю о тебе и не хочу знать. И... прошу тебя не вмешиваться в мою жизнь. Понятно сказала?

– Хочу понять, почему такая женщина, как ты, живет в

деревне с двумя детьми одна, – выдал мужчина, не переставая сканировать, прожигая заживо своим пристальным взглядом, ожидая моего ответа.

Вздохнула, искренне не понимая, почему его вопросы вытекают из колеи. Почему меня злит наше общение? Ведь должно быть все равно, как со всеми. А тут не знала, как быть. Выпустила горячий воздух из легких и резко сказала:

– Хорошо, раз тебе так хочется знать. Николай... застрелился... – даже не могла нормально произнести. Бред. Самой было противно. Да и не верила в это, но ведь каждый в деревне так считал. Понимая, что нужно продолжить, сказала: – Он не выдержал напряжения, проблем в семье. И еще... Коля поверил, что я... изменила ему.

Огромный мужчина ничего не сказал, все ждал, и это ужасно раздражало. В то же время вызывало странную тревогу, что он поверит в жестокие слова. Стала ополаскивать посуду и грубо осведомилась:

– Это все? Вопросов больше не будет?

– Почему он так решил? – спокойным тоном поинтересовался Станислав.

Отвернувшись, и вновь опустила руки в горячую воду, чувствуя, как обжигает пальцы. Постоянно грела воду на плите, чтобы нормально вымыть жирную посуду. Мыла в двух водах: горячей – на первый раз, и прохладной – на второй. Воду брала из колодца. Два года назад в деревеньке провели водопровод, но сумма установки была огромной для меня, и я

отказалась. Поэтому для нужд в хозяйстве брала из колодца, потому как она соленая была, а питьевую из колонки. Правда, последняя шла только в определенные часы. Радовало, что из колонки людей набирало мало, потому как у всех на той улице, к которой наш дом относился, был водопровод.

Понимая, что мужчина не отстанет, буркнула:

– Я была беременна Соней, но мне прохода не давал один предприниматель. И, в общем, Давыдов убедил его...

– Давыдов?! – недовольно уточнил Станислав. – Значит, ты и есть Логинова, а твой муж – бывший участковый? Верно?

Застыла на месте, переваривая его слова, пытаюсь понять смысл. Быстро обернулась и задала вопрос:

– Ты кто такой, черт возьми? Что тебе нужно?!

Мужчина лишь повел челюстью, а потом произнес:

– Строгов Станислав Александрович. Мне 33 года. Разведен. Работаю в охранным бизнесе.

– И как же здесь оказался с огнестрельным ранением?

– Так получилось. Но ты... спасла.

– Да, и очень жду, когда ты поправишься, – сухо проинформировала, намекая, что не дождусь, когда он попросится с нами.

– Так надоел? – нагло спросил он, довольно улыбаясь.

Отвернулась, не желая отвечать. Своими разговорами мне настроение испортил. Я лишний раз осознала свое «веселое» положение.

– И все же непонятно, что тебя здесь держит? В этой дыре.

Станный вопрос. Что держит? Да если бы не держало, тут моей ноги давно не было. Сгребла бы малышей и убежала. Даже пешком. Ненавижу здесь все. Но где жить? В городе, насколько я знаю, есть проблемы с садиками. Хотя, если в районе, можно бы было попросить отца, чтобы он договорился. Но ведь жить негде. И здесь должна была приличную сумму. А в районе по сравнению с деревней квартиры в два раза дороже.

Вылила грязную воду в помойное ведро и, вытерев стол, направилась на выход, отмечая, что мужчина осторожно поднимается. Оказавшись рядом, я услышала:

– Мне нужно позвонить. Есть выход на город?

Кивнула и заверила:

– Да, есть. Звони.

Быстро прошла в зал, стараясь ни о чем не думать, чтобы не появилось лишних вопросов к самой себе. Малыши сидели на диване, уставившись в телевизор. Выключила мультик и сказала, чтобы все отправлялись на обеденный сон. Олег пошел добровольно, а Сонька пряталась за кресло, капризничала, но, как обычно, первая уснула. Сынок еще просто лежал, поэтому водила ему по спинке, пока он не уснул.

Переодевшись в рабочую форму, направилась из дома на улицу, замечая краем глаза, что мужчина в комнате с кем-то тихо разговаривает. Порадовалась. Вот и отлично. Значит, скоро уедет. Только вот одно напрягало. Не давала по-

кая мысль, что он имел всю информацию на Давыдова, Лу-
ханкина, на меня с мужем. Пусть не знал в лицо, но был в
курсе о том, что произошло три года назад, и это пугало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.